

И.С. Хугаев

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, Комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@rambler.ru.

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Хох Тлатов. «Сон»**Irlan S. Khugaev**

Comprehensive Research Department of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (CRD VSC RAS), Leading Researcher, Dr., Russia, Vladikavkaz, email: shmiksel@rambler.ru

Experience of the popular anthology of Ossetian short prose: Khokh Tlatov. «Dream»

Рассказ, который мы сегодня предлагаем в рамках этой рубрики, актуализирует несколько предварительных вопросов.

Прежде всего, это вопрос реализма: что такое реализм и возможно ли реалистическое искусство? Вопрос этот, как видим, смыкается с гносеологией – разделом философии, изучающим отношение субъекта и объекта в процессе познания, законы и условия познания мира – и представляет собой ее эстетическую версию: возможно ли правдивое отражение действительности в художественных образах и каковы критерии такой правдивости?

Казалось бы, человек как субъект познания и отражения действительности фатально обречен на определенную субъективность, но, с другой стороны, будучи органической частью этого мира, он выступает уже органом самосознания природы. «Поэт! Не ищи ничего другого, – пишет Жюль Ренар. – Ты создан и послан в мир, чтобы стать сознанием всего, что лишено сознания». «...разумение человека не вне природы, – рассуждает А.И. Герцен, – а есть разумение природы о себе... законы мышления – сознанные законы бытия... мысль ни сколько не теснит бытия, а освобождает его; человек не потому раскрывает во всем свой разум, что он умен... а, напротив, умен оттого, что все умно». «Я существую в твоём воображении, – говорит у А.П. Чехова Черный монах, – а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую в природе». Через нас Вселенная чувствует и осмысливает самое себя. А раз так, мы не можем производить мысли и образы, выходящие за базовую парадигму.

Представление о том, что реализм – это художественный метод, к которому искусство пришло лишь после разного рода сентименталистских, романтических и других, сравнительно нехитрых, опытов, несколько примитивно. Любому из указанных опытов может быть присущ реалистический взгляд. Больше того: самое фантастическое и сновиденное произведение увлекает нас и вызывает наше сочувствие в той лишь мере, в какой оно реалистично в своих основных трактовках объективных законов мира (и как бы великие фантасты предугадывали развитие наук и технологий, если бы они не были реалистами?)

Никакой бред не увлечет и не тронет нас, если в нем не будет правды. Но и одной правды мало: нужна еще красота, пластичность, мастерство. Вспоминается шутка В.Б. Шкловского: «У Гоголя черт входит в избу – верю, у писателя Н. учительница входит в класс – не верю!». Итак, искусство есть, по сути, вопрос веры, которая представляет собой едва ли не главный критерий его правдивости, а в таком случае черт может быть реальностью, а учительница может быть фикцией. И когда автор говорит: «Хотите – верьте, хотите – нет, а я так вижу», – это вовсе не прибавляет нам веры. Искусство всегда реалистично, при условии, что это искусство. Вся классика – реалистична.

Художник – субъект, и он никогда не избавится от субъективной оптики личного восприятия, но он может и должен стремиться к тому, чтобы как можно объективнее воспроизводить субъективное восприятие. Возможно, в этом и заключается настоящий талант.

Литература, взятая во всей совокупности родов и жанров, – это форма национального сознания, а взятая в динамике ее развития – это поток национального сознания, грезы народной души. Грезы эти порождены реальностью и являются ее естественным умозрительным развитием, и они же оказывают на эту первую реальность значительное воздействие, подобно тому, как мысль, память и мечта корректируют образ жизни отдельного человека. И потому-то и есть насущная необходимость в изучении этих грез и фантазий.

«Божественная комедия» Данте Алигьери, «Доктор Фауст» Иоганна Гете, «Упырь» Алексея Толстого, «Блаженство безумия» Николая Полевого, «Записки сумасшедшего» Николая

Гоголя, «Сон смешного человека» Федора Достоевского, «Остров доктора Моро» Герберта Уэллса, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова – все это, при всем разнообразии эпох, методов и жанров, при всей фантастичности и утопичности сюжетов – образцы настоящего реалистического искусства, ибо они как раз отражают всю сложность взаимоотношений человека и мира, все грани познания и заблуждения, веры и отчаяния, все страхи и восторги души человека.

К произведениям этого ряда может быть отнесен и фантастический рассказ Хоха (Елмарзы Даниловича) Тлатова (1880–1932) «Сон».

Автор этого рассказа – уроженец Ардона, выпускник Ардонской духовной семинарии и юридического факультета Дертского университета, по окончании последнего практиковал в Семипалатинске. В 1926 г. Тлатов вернулся в Осетию, в 1932 г. умер от туберкулеза и был похоронен в Ардоне в саду родного дома (какая фантастическая и умильная подробность земной судьбы!). До нас дошли лишь два его рассказа и перевод на осетинский язык сказки Г.Х. Андерсена «Пение птички» (1912).

«Сон» («Фын», 1911) – первый фантастический рассказ, а конкретнее – первый рассказ-утопия в осетинской литературе (в прошлом году он был переведен на русский язык и опубликован в 6-м номере журнала «Дарьял»). Тем интереснее, что он абсолютно соответствует принятому в науке определению этого жанра, предложенному Кеннетом Ремером: «... детальное описание воображаемой культуры, которая предоставляет читателю картину альтернативной реальности для критики собственной современности с интеллектуальных и эмоциональных позиций».

Хох Тлатов

СОН

(Подстрочный перевод с осетинского Г. Бтемирова.
Художественный перевод В. Чигира)

*Гляжу я, Сараби, на мир вокруг,
На родные места, на любимых людей –
А на душе тоска!
Полной жизнью живу лишь во снах,
Но веры им нет –
Тотчас просыпаюсь.*

Сытый не видит снов. Сны – удел человека бедного, голодного, обремененного заботами и печалью. Какие бы сны я ни видел и какие ни увижу в будущем – удивительнее того, о котором хочу сейчас поведать, вряд ли еще увижу. Все, что я когда-либо испытывал, не идет ни в какое сравнение с тем, что выпало пережить мне в этом сне.

На мой беспросветный голод, как я понимаю, обратила внимание некая высшая сила и, преисполнившись сострадания, решила утолить все мои печали. Удалось ей это? Наверяд ли.

Впрочем, по порядку.

Снова наступила у меня черная полоса – она всегда почему-то бывала шире белой, но в этот раз оказалась особенно широкой, как будто на ней и должен был окончиться мой путь. Целых два дня не брал я и крошки в рот, когда однажды утром в

дверь комнатки постучали. Я знал, кто это, но не отозвался.

– Открывай! – крикнула тогда горничная. – Самовар принесла.

– Уноси обратно... – сказал я по-осетински хрипло и раздраженно. – Зачем мне твой кипяток, если у меня ни чая, ни сахара, ни хлеба...

Проворчал я это и тут же с досадой подумал: откуда ей, русской, знать, что я тут говорю? Бедная девушка...

Делать было нечего, я выбрался из постели, прошаркал до двери и отпер замок. Горничная зашла, поставила самовар на середину стола и сейчас же вышла.

– Ничего больше не нужно, раз у меня есть твой замечательный самовар, – сказал я ей вслед уже по-русски.

Она даже не обернулась – видать, обиделась на ворчание.

Я закрыл дверь, постоял, помолчал, затем шагнул к окну и раздвинул шторы. Утро ворвалось через окно и затопило мою жалкую комнатку. Желтый кругляш солнца уже висел над крышами домов, что выстроились через дорогу, слепил мне глаза, ласкал кожу лица теплыми, будто материнскими, прикосновениями. В кронах деревьев перекликались птички. Горожане шли по своим делам – кто на базар, кто на службу, кто еще куда. Словом, каждый занимался своим обедом. До чего же они были мне чужды! Никаких сил не хватало не то что любоваться, а просто видеть всё это. Я с отвращением задернул шторы, умылся и оделся в свои обноски.

Я буквально пух с голоду, но все равно думал о предстоящем экзамене. Самовар так пыхтел, что было ощущение, будто он вот-вот запрыгает по столешнице, а если приближусь – скакнет и на меня: не самовар, а зверек какой-то. Чай я не пивал бог знает сколько времени, но все равно мучил самовар каждое утро и каждый вечер.

Взялся читать книгу, и что вы думаете? Ни слова не усваивается, абзаца, считай, не осилил, а желудок уже бьет тревогу: пусто, пусто, я пустой, сделай что-нибудь, не медли, ну! Я захлопнул книгу и раздраженно швырнул ее в дверь. А самовар все фырчит, будто дразнится. Взял я его за ручки, точно за уши, приподнял и уже вознамерился было разбить об пол, но остановился. Нельзя, сказал я себе. Сломаешь чужую вещь – будешь платить... Я аккуратно поставил самовар обратно и быстро отшагнул – от греха подальше.

Внезапно глаза мои налились слезами. Обессиленный, я рухнул на стул, стоящий у стола, и обхватил голову руками. Бедный я, бедный! О как было бы хорошо, если б день никогда не наступал! О как было бы здорово, если б все время над миром стояла ночь! Лежи себе в постели, в забытии, – и никаких мыслей о голоде!..

Тут я вспомнил дом, Осетию – и стало мне еще муторнее. Зачем, зачем ты здесь, так далеко от родины? – в муке спросил я себя и не нашел ответа. Неужто не видишь, что тут ты несчастен? О как глупо и беспросветно ты несчастен! Как ты вообще дошел до жизни такой?..

На это ответ у меня уже имелся, и я немедленно объяснил себе, точно оправдывался: да разве ж по своей воле я здесь? Будь народ Осетии богат, думаешь, приехал бы я сюда учиться? Умирал бы от недоедания на чужбине? Нет! Это, в конце концов, унижительно! Я тут только потому, что там, на родине, – лишь бедность да несчастья...

Почему, почему мы так бедны?! – спросил я в пущу, уже безо всякой надежды на ответ. Разве наша в том вина? Я беден, несyt и несчастен. И народ мой беден, несyt и несчастен. Неужто такая доля всех маленьких людей? Неужто мы, осетины, так малы, так незначительны?.. Как там было у Демокрита? Из ничего и выйдет ничего. Кажется,

так. Да, точно. Из ничего и выйдет ничего. Из ничего никогда ничего не получится... Ну, а мы, осетины, разве мы – никто?..

За этими невеселыми думами я незаметно для самого себя опустил голову на скрещенные руки и уснул прямо за столом.

Во сне предстало передо мной какое-то существо в образе не то человека, не то человекоподобного зверя. Оно взяло меня за руку и потянуло через какие-то проулки, улицы и площади. Оробевший, не смея сопротивляться, я все же нашел в себе силы спросить:

– Кто ты? Куда ведешь меня?

И существо отозвалось:

– Я – Вселенская сила. А идем мы туда, где злоключеньям твоим не будет места.

Не знаю почему, но я сразу поверил этим словам, и робость отступила.

– Кем бы ты ни являлся, – сказал я, обращаясь к существу, – я буду вечно благодарен, если вызволишь меня из этого ада... Но видишь ли, мне нечего взять с собой в дорогу. Даже фунта хлеба не на что купить.

На это существо ответило:

– Если б у тебя были деньги, то был бы ты сыт и, кроме своей книги, ни о чем не думал. Но сейчас деньги тебе ни к чему.

Вскоре мы вышли на окраину города. Там, на пустыре, нас ждало нечто, отдаленно напоминающее большой корабль.

– Моя телега, – с улыбкой пояснило существо. – Зовется: аэроплан. Сейчас сядем, он подымет нас до облаков – будем лететь меж небом и землей как орлы. Вмиг домчимся куда надо, моргнуть не успеешь.

С этими словами мы зашли внутрь машины. Существо устроилось на мягкое сиденье и жестом указало мне мое место, находящееся рядом. Я сел. Перед нами было выпуклое окно, в котором виделся оставляемый нами город. Существо потянуло какой-то рычаг, и аэроплан, как и обещалось, взмыл ввысь. Машина, гудя, все набирала и набирала высоту, а душа моя, наоборот, падала куда-то и никак не могла упасть; меня начало трясти.

– Что с тобой? – строго осведомилось существо. – Чего так испугался? Неужто оставил там, внизу, все свое богатство?

Земля в окне уже превратилась в маленький голубой шарик. Я не понимал, движемся мы или висим на месте. Но, судя по напряженному гудению, аэроплан все же двигался.

<...> За окном стояла ночь, подсвеченные призрачным лунным светом облака со страшной скоростью улетали вверх.

– Видишь там огни? – спросило существо, указывая на землю под нами.

Я пригляделся и кивнул, а существо продолжило:

– Это одно из самых больших селений твоих краев. Раньше оно носило имя нартовского сила-

ча Созруко, но сейчас зовется по-иному.

– А что это за огни? – спросил я. – Там что-то горит? Пожар?

– Нет, не пожар. Это – свет электричества. При помощи него с наступлением темноты освещаются улицы.

Я так и сидел с раскрытым от удивления ртом и даже не заметил, как аэроплан приземлился во дворе огромного дома. Мы вышли из машины, и нас тут же обступила шумная белозубая молодежь. Все были несказанно рады нашему появлению, шутили, смеялись и хлопали нас по спине.

– Гости – Божьи избранные! Милости просим! – то и дело говорили нам и подталкивали к крыльцу.

Вот мы оказались в доме. В просторной гостиной за столом сидел благообразный старик с газетой в руках. Увидев нас, он встал и сердечно поприветствовал. Потом указал на стулья: садитесь, мол, пожалуйста! Сам же обратился к молодежи, толпившейся в дверях:

– Гости устали с дороги, приготовьте им угощения.

Он не стал нас ни о чем расспрашивать. Просто сидел рядом и смотрел, покамест в гостиную не внесли различные яства. Я, честно, ждал, что будет арака, но вместо нее пить пришлось квас. Пока мы с моим спутником насыщались, никто не обронил ни слова. Потом старик снова поднялся и сказал:

– Время уже позднее, пора спать. Расспрашивать вас я ни о чем не стану. Вижу, насколько вы уставшие...

Легли мы спать, а наутро оказалось, что мой всемогущий попутчик куда-то делся: кровать его оказалась застелена. Я встревожился и завертел головой. В этот момент в спальню вошел давешний старик и, видя мое состояние, поспешил успокоить меня:

– <...> Друг твой вернется в свое время. Кто ты, откуда и чем живешь, он со мной уже поделился. А также поручил поведать тебе о нашем укладе. Спрашивать меня о чем-либо не стесняйся: вопросы старику всегда в радость. Как говорится, не спрашивай у старшего лишь об одном, а именно – о возрасте, ха-ха... Так вот, в стародавние времена, когда наши предки были темны и необразованны, младшие дрожали перед старшими, постоянно грызлись друг с другом, не ведали любви к ближнему и были чужды труду. А ведь сперва человека надо узнать с двух сторон: как он относится к себе и как – к другим. Далее следует узнать, каков он в труде, видит ли в этом смысл жизни. Кто соблюдает эти два условия, тот и именуется в наших краях человеком. Жизнь тут построена на любви и труде, больше ни на чем. Если человек лишен хотя бы одной из этих черт, у нас он не может занять уважения, независимо от того, старец он, мальчишка или женщина.

Пока хозяин дома говорил, я разглядывал его. Приветливый, жизнерадостный, он нравился мне все больше; слова его были полны мудрости и за-

падали в самую душу. Вот бы у меня были такие старшие! – подумалось с мимолетной тоской.

Когда же старик умолк, я не сдержался и спросил про молодежь: читают ли они книги, встречаются ли среди них такие же бедные студенты, как я. Мне хотелось узнать, в чем заключается их любовь к ближнему и на самом ли деле они так трудолюбивы.

– У нас не принято быть необразованным, – ответил старик. – Каждый родитель обязан отправить свое чадо учиться. Если он этого по какой-то причине не сделает, на него наложат немалый штраф, и действовать этот штраф будет до тех пор, покуда ребенок не окажется в школе. Но дело в том, что у нас еще никого не штрафовали – каждый понимает важность образования. Посему в наших краях не встретишь безграмотного... Впрочем, о школах ты еще услышишь, а пока пойдем-ка поглядим на людей.

Старик повернулся и жестом попросил следовать за ним.

В селении, видимо, проходил какой-то праздник. Помнится, перед рассветом случился сильный дождь, но, к моему удивлению, по пути я не встретил ни одной лужи. Чистые просторные улицы были вымощены камнем, у тротуаров – обязательно канавы, прикрытые чугунными решетками. И много-много деревьев, а в тени под густыми кронами – скамейки, на которых отдыхали люди. Туда и сюда носились мальчишки, продававшие газеты. «Купите! Купите!» – раздавались звонкие выкрики, и люди охотно подзывали к себе маленьких продавцов, совали им в ладонки монету, забирали свой экземпляр и тут же с хрустом разворачивали.

Я во все глаза всматривался в каждого встречного – и не находил ни одного оборванца вроде меня. Все от мала до велика были хорошо одеты и аж лучились здоровьем и внутренней силой. Те, кто проходил мимо, непременно здоровались со мной, улыбаясь при этом как близкому. Меня это очень удивляло и – чего греха таить! – радовало. Но больше всего я был поражен тем, что ни у кого не заметил оружия – ни пистолета, ни хотя бы кинжала на боку.

<...> Когда мы поднялись по улице на возвышенность, он обернулся, указал длинной рукой вниз, на строения, и сказал:

– Вот наши кинжалы, пистолеты и ружья!

То были мужские и женские школы, гимназии, лицеи, сельскохозяйственные и технические училища.

– Ты, друг мой, спрашиваешь о ворах и разбойниках, – опустив руку, проговорил старик. – Но у нас давно нет ни тех, ни других. Мы забыли, что такое воровство и разбой – у нас просто нет времени заниматься подобной ерундой! Наш скот днем и ночью пасется без присмотра – нам нечего и некого бояться. Сколько лет прожил – никогда не слыхал, чтоб у нас произошла кража или, того хуже, убийство. Я давеча говорил, что наш путь – это любовь

к близнему и трудолюбию. И сейчас повторю. Любовь к близнему и трудолюбию. В этом весь смысл – жить собственным трудом, чистым и честным, любить ближнего так же, как себя, чисто и честно. А то, о чем ты спрашиваешь, – когда было-то! Те лихие дела происходили во времена предков наших предков. Об этом мы знаем только из легенд, а молодежь – и вовсе не знает!.. Люди в те стародавние времена делились на роды. И если представитель одного рода убивал представителя другого рода, эти два рода становились кровниками. Виновник же вражды не мог носа на улицу высунуть. <...> Все родственники убийцы были перед кровниками в ответе и порой скрывались от недоброжелателей так же, как и виновник вражды. Спроси противную сторону, зачем они и словом и делом преследуют родственников убийцы, ведь те ни при чем, – ответ был следующий: «Того требует обычай мести. Род убийцы должен стыдиться и бояться нашей кары, иначе мы покроем себя позором...» И действительно, если кровники не проявляли друг к другу неприязни, окружающие начинали упрекать их в малодушии, тем самым натравливая друг на друга... Потом, как правило, старшие сельчане пытались примирить враждующие стороны. И как, думаешь, их примиряли? Мол, все люди братья, все должны жить в мире и согласии? Как бы не так! Они говорили, что семья убийцы обязана возместить утрату: заплатить за мертвого рублем, купить в честь него коня, да вдобавок поставить надгробный памятник на могиле убитого. За исполнением требования внимательно следили судьи...

<...> Я смотрел в его приветливое жизнерадостное лицо и сам невольно становился приветливым и жизнерадостным, а потом и вовсе заплакал от переполнявших меня чувств.

– Хочу быть твоим гостем! – выдавил я, сляся проглотить ком. – С твоего позволения, хочу жить здесь, с вами, быть одним из вас! Хочу учиться и работать! Я одинок, как сирота, и несчастен, как последний пес, а тут... тут... – Слова давались мне с трудом. – Я не могу отсюда уйти! – прокричал я в отчаянии. – Мне некуда идти! Некуда и незачем!

Некоторое время старик смотрел на меня с укором.

– Мой юный друг, – сказал он наконец необычайно мягким тоном, – кто ж тебя гонит? Ты зовешь себя сиротой, но с нами ты забудешь о сиротстве. Оглядишься: тут все для тебя родичи! Каждый мужчина – отец тебе. Каждая женщина – мать. Каждый парень – брат твой. Каждая девушка – сестра. Живи, трудись, учись на здоровье – только не для себя одного, а и для других тоже. Знай: когда все будет счастливы, счастлив станешь и ты, ибо ты – часть целого. Если люди бедны – беден и ты, ибо ты один из них. Если у человека болит зуб – страдает не только зуб, но и весь человек, целиком. <...>

От осознания того, что я могу здесь остаться, сердце мое учащенно забилось. Потом к нам, смеясь, подбежал какой-то мальчуган и вручил сначала

старика, затем мне по листовке. На лицевой стороне было написано: «Завтра в 20.00 в театре “Фарн” будут давать новую драму – “Позор или смерть”. Приходите!»

– О-о-о! – обрадованно протянул старик, прочитав то же, что и я. – Без театра мы жить не можем. Это наша вторая школа. В театре мы постигаем суть добра и красоты. А еще там могут показать наши изъяны. В театр ходят абсолютно все – мужчины, женщины, дети. Даже те, кому уже в тягость, тоже ходят. Впрочем, завтра сам увидишь, а пока... – Старик неожиданно заулыбался. – Пока скажи мне, как ты понимаешь выражение «позор или смерть»?

Я подумал и ответил:

– Лучше умереть, чем опозориться.

Старик хитро сощурился:

– Ты и вправду так думаешь?

– Да, – кивнул я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Лучше умереть, чем позволить кому-нибудь отнять у меня коня или быка. А уж если их украдут, когда я буду спать... Нет! Это ведь прямая дорога к позору. Не хочу быть униженным или осмеянным. Не хочу стать героем шуточной песенки.

Старик так сильно хохотал над моими словами, что уши у меня запылали. Я даже чуточку разозлился.

– Знал, что ты так ответишь, мой юный друг, – произнес старик, отсмеявшись. – А ведь я тебе говорил: мы не знаем ни воровства, ни разбоя. Такое случалось давным-давно, у предков наших предков. Это у них в почете были воровство, разбой, обман, убийства... Мы же – отринули это, нам такое просто чуждо. Все, что мы считаем плохим, все, что считаем постыдным, – в прошлом. Предки наших предков были воспитаны в неведении и жили во тьме. Мы же – оглядишься! – на свету. Мы – результат труда тех немногих, кто в стародавние времена находил в себе силы ползти к свету, к знаниям. Да, ты не ослышался: в те времена тоже встречались люди вроде нас. Люди, получившие тогда образование, становились терпимее к невежеству, к темным людям и пытались показать им всем, каким прекрасным может быть мир. Они, безусловно, стремились к свету, но мышление их, увы, оставалось прежним – ведь они были плоть от плоти своего времени! В своих книгах такие люди призывали к безумной храбрости и без того безумных людей. Одна книга тех лет дошла до наших дней. Называется она как раз «Позор или смерть». Прочитав название, можно подумать, что современники этой книги доподлинно знали, что такое хорошо и что такое плохо. Автор пишет о разбойнике по имени Керим. Керим не оставял людям ни коня, ни быка и убивал всех, кто пытался помешать ему творить злодеяния. Он не нуждался ни в законе, ни в обычае, ни в брате, ни в друге. Он искал абсолютную свободу, но не ту, которую знаем мы сейчас. Ему нужна была другая свобода – свобода безнаказанно творить зло. В этой книге Керим говорит про себя: «О свободная жизнь! Сколько я тебя искал – и как быстро нашел!»

Он, несомненно, жил за счет чужого горя и был доволен этим. А ведь молодые горячие парни, наслушавшись о его «славных» похождениях, сами выходили на большую дорогу и пытались повторить «подвиги» своего кумира. Некоторые даже брали себе его имя. Сколько Керимов бродило по земле – не счесть!.. Вот так-то. Какие бы книги ни писали авторы тех дней, все равно они только приумножали плохое. Ибо без упоминания оружия, воровства, убийства – не обходилась ни одна история...

<...> Прямо через дорогу находилась читальня. На вид это был огромный стеклянный куб; стеллажи внутри ломались под тяжестью книг и газетных стопок. Вокруг читальни, а также внутри, в проходах между стеллажами, толпились люди. Они оживленно беседовали друг с другом, у каждого в руках можно было увидеть либо книгу, либо газету. Когда я спросил у старика, зачем они тут собрались, он ответил:

– Так ведь сегодня собрание выборных представителей.

– Выборных? – переспросил я.

– Да. У каждой десятки соседствующих домов есть свой избранный человек – выборный представитель. Эти выборные время от времени собираются вместе и занимаются делами селения. Каждый говорит от имени семей, которые выдвинули его на эту должность. Перед тем, как прийти сюда, выборные выслушивают просьбы своих избирателей, а после собрания так же сообщают, до чего удалось договориться. Если люди почему-либо недовольны своими выборными – например, те плохо исполняют возложенные на них обязанности, – их сейчас же меняют. Впрочем, такое случается редко, ведь выборными становятся исключительно справедливые и честные люди... лучшие из лучших. За две недели до дня, когда должно случиться очередное собрание, выборные назначают себе старшего – ему придется следить за ходом разговора и за порядком в целом. А еще он составляет и отправляет коллегам письма – список того, что нужно будет обсудить в первую очередь. Выборные знакомятся со списком, а после ходят по домам своих избирателей и зачитывают вопросы, которые будут подняты на собрании. Зачитав, спрашивают: «Что вы об этом думаете?» Выборный обязан выслушать и принять к сведению мнение каждого своего избирателя, только так он может считаться подготовленным к собранию... Помимо выборных, есть еще главы селений – этих мы назначаем всем миром. Чтобы стать таким главой, нужно быть о-очень образованным человеком. Глава селения не имеет права перечить своим избирателям: что ему говорено, то он обязан в точности воплотить в жизнь. Если же глава что-то делает и не сообщает народу, а потом это всплывает, его сразу же снимают с должности и предают суду... В стародавние времена тоже были и главы селений, и выборные представители. Что же они делали, спросишь ты? На проблемы селения смотрели сквозь пальцы, почти каждый выборный не знал

в лицо своих избирателей. Перед собранием не готовились и понятия не имели, о чем будут говорить, когда им дадут слово. Приходили на собрание пьяные, начинали, конечно, выяснять отношения, а то и просто драться. Ни до чего путного, естественно, не договаривались. А если что-то наобещают народу, так обещаниями все и ограничивалось. Спроси их по окончании собрания: «Что решили, уважаемые?» – и услышишь ответ: «Ой, да много чего!..» Глава селения ничем не отличался от самодура: делал что душа пожелает. Кто своенравней и жестче, тот и становился главой. Выборные ничего не могли с этим поделать. Так было потому, что у всех и без того забот хватало. Не понимали, бедные темные глупцы, что дела селения – это дело каждого его жителя и за счастье нужно бороться...

Когда мы подошли к читальне, все поздоровались с нами. В глазах у меня снова зарябило от приветливых улыбок, но теперь я ясно чувствовал: люди жалеют меня. Может, они видят во мне дикаря? – подумалось мельком, с затаенным стыдом. Потом меня спросили, кто я и откуда, и мой немолодой спутник сейчас же принялся рассказывать обо мне. Я уже не чувствовал, а видел жалость в глазах у каждого. Но постепенно жалость эта сменялась удивлением: окружающие, наверное, впервые лицезрели такого чудака в обноски.

– ...Так что отныне, – положила руку мне на плечо, говорил между тем старик, – этот молодой человек – не гость нам, а брат. Он был сиротой и много чего претерпел, и о нем никто не заботился. Теперь же все будет по-другому, ибо он – с нами. <...>

На каждый довод старика окружающие согласно кивали. Когда же он замолк, все принялись хором поздравлять меня со вступлением в новую семью. Кто-то называл свое имя и крепко жал мне руку. Кто-то брал с меня слово зайти к нему в гости, называл адрес и показывал, в какой стороне находится дом. В жизни я не видел столько чистых, добрых и... родных лиц.

<...> Потом мы прошли чуть дальше и остановились у большого, в пять этажей, стеклянного здания.

– Магазин, – пояснил старик не без гордости. – У нас такие имеются на каждом большом перекрестке. Но это не частные магазины, а целая сеть. Тут люди покупают, что им нужно. Товар всегда качественный и дешевый, а прибыль идет на нужды селения и является достоянием каждого его жителя. Само собой, никто не запрещает открывать частные лавочки. Но если у селения имеется общая сеть магазинов – в чем смысл частника?! Раньше, в те времена, о которых мы с тобой говорили, только частники имели магазины. Их товар был некачественный и дорогой, на каждую вещь они делали наценку и тем самым просто обирали бедный люд. Это потому, что народ для них приравнялся к бессловесному скоту. Единицы проныр жирели, остальные – чахли.

Далее мы вышли на окраину селения, где на

равнине располагалась больница – много-много белых четырехэтажных зданий, соединенных друг с другом либо торцами, либо крытыми галереями. Со стороны это напоминало полноценный квартал.

– Ни один больной дома не остается, – сказал старик. – Всех отправляют сюда. Здесь за ними присматривают: кормят, поят, лечат. Ведь дома за больным сложно ухаживать, тем более что большинство болезней заразные и здоровых людей надо от них беречь. Если не начать лечение вовремя, потом сложнее поправиться... В стародавние времена лечить принимались, когда больной уже был при смерти. И лекарств никаких не давали – зачем лекарства, если есть знахарка? Как правило, знахарка получала деньги и говорила примерно следующее: «Больной в чем-то провинился. Чтобы он встал на ноги, нужно зарезать видного бычка или барана». От таких дурацких советов больной, конечно же, помирал, а та семья, которая понадеялась на советы шарлатанки, становилась еще беднее. Нынче знахарок у нас нет совсем – только врачи и медсестры. Впрочем, работы у них немного, потому что мы все следим за своим здоровьем и мало кто умирает не в свой срок. Раньше же любая болячка могла оказаться смертельной...

Мы еще немного полюбовались больницей, и старик повел меня на собрание выборных представителей. <...>

Когда я спросил у своего спутника, почему здесь находятся посторонние, он ответил так:

– У нас в почете труд на благо общества. Каждый человек, достигший зрелости, начинает готовиться к какой-либо работе – в том числе и к общественной. Каждый хочет оставить после себя след... Вот и приходят! И детей с собой приводят – чтобы сразу приобщить к полезной деятельности, к ответственности за свое будущее. Ведь то, что уяснишь в детстве, останется с тобой до глубоких седин... В стародавние времена не то что детей – подростков не подпускали к собранию! У выборных могли быть какие угодно бредовые намерения насчет селения – никто не мог оспорить их решений. Возражать старшим было не принято. Будь мальчишка хоть в три раза умнее старика, он не имел права открывать рот без разрешения. И объяснялось это тем, что, мол, сначала нужно проявить уважение к старшему, а уж потом старший решит, давать тебе слово или нет. Не понимали бедные темные предки, что мудрость не зависит от возраста. Тем более в общественном деле, где различие между старшими и младшими зачастую просто губительно.

– А как тут молодежь женится? – спросил я быстро. – Какой величины бывает калым?

<...> – Ты, мой друг, рассуждаешь так, будто живешь в те стародавние времена, – проговорил старик, качая головой.

Мы немного помолчали, потом старик продолжил:

– У нас нет различий между мужчиной и женщиной. Каждая девочка должна в свое время получить

образование точно так же, как и каждый мальчик. Лишь в одном случае прав у женщин меньше – дело в том, что мы не подпускаем их к общественной работе. Но в этом нет ничего страшного, ведь на женских плечах лежит гораздо более важная задача – воспитание нового поколения. Если это не польза обществу, то что? Конечно, мы можем нагружить женщин общественной работой – но кто тогда будет растить детей?

– А женятся у вас как? – спросил я.

– По любви, конечно, – ответил старик. – Если молодые влюбляются, парень сообщает об этом сначала у себя дома, затем в доме девушки. Обе семьи бывают только рады и совместными усилиями устраивают бракосочетание... В стародавние времена все выглядело иначе. На женщину тогда и в самом деле смотрели как на скот. Парень и девушка не могли встречаться до женитьбы. Если какая-то молодая пара, не сыграв свадьбу, прогуляется по улице, их начинали презирать. Калым был от пятисот до тысячи рублей. <...> Нередко молодой муж шел воровать, разбойничать. И так повторялось с каждым новым поколением, из века в век...

После собрания побывали мы на полях. Что там только не возделывалось! Между полями сияли чистой небесной голубиной оросительные каналы. Одуревшие от полноты жизни ласточки носились туда и сюда по-над рожью, пшеницей, ячменем, кукурузой. <...> Любуясь раздольем вместе со мной, старик говорил:

– В стародавние времена земля была бы щедрей к человеку, если б он понимал ее потребности. Тогда из всех зерновых выращивали одну кукурузу. И почву возделывали до полного истощения. Не понимали, бедные глупцы, что земля – тоже живая, и если у нее только брать и брать, в какой-то момент ей нечего станет давать. И когда это неизбежно происходило, люди просто говорили: «Земля не родила, нам конец»... Еще они вырубали леса – не понимая, что в природе все взаимосвязано. Ведь как раз от лесов зависит полноводность рек – от которых, в свою очередь, зависит плодородность почвы... Благодаря нашим знаниям и усилиям мы заново оживили землю, сделали ее пахотной. Теперь мы сажаем зерно там, где раньше ничего не росло. Когда случается засуха, мы питаем землю с помощью оросительной системы. И если не будет града или какой-нибудь еще природной напасти, мы не потеряем урожай. Одни поля мы возделываем, другим даем отдохнуть – не позволяем земле истощаться. Скот кормим травой, выращенной специально для этого дела. Хватает одной-двух десятин на дом, потому что трава эта растет быстро – косить ее приходится дважды за лето. Порой травы собирается так много, что скот не успевает ее съесть, и приходится откладывать излишки на следующий год... В стародавние времена изобилия не знали. Сеяли, как я уже говорил, одну кукурузу, да и то

неумеючи. Если урожай не вырастал – голодали. А мы, погляди, сажаем разные культуры: не взойдет одно, взойдет другое... И никто у нас не станет трогать чужую пахоту, ибо уважение к труду – это святое. Так и живем. Ну да ты сам все прекрасно видишь. Благодать, да и только!

Стоя рядом со стариком на холме, я дышал полной грудью и пожирал глазами расстилавшуюся под нами красоту. <...>

Когда я уже раскрыл рот, чтобы в очередной раз обратиться с вопросом к старику, позади нас приземлился аэроплан. Дверца отъехала в сторону, и в проеме показался мой вчерашний попутчик.

– Пора в обратный путь, – сказал он мне. – Летим.

Я вздрогнул, но тут же справился с собой:

– Никуда я не полечу! Я здесь свой, это моя земля! Зачем мне куда-то лететь, тем более с тобой?

Эх, лучше б я молчал! Забыл, глупец, каким образом очутился здесь...

– Я есть Вселенская сила! – провозгласило существо, и голос его был подобен раскатам грома. – Никто не смеет мне перечить! Летим обратно, сказано! Рано еще тебе здесь жить!

Существо схватило меня и затолкало в свою

машину. Я плакал, когда аэроплан взлетал, ничего не видел из-за горючих слез, да и не хотел видеть. Слышал только, как напряженно гудит двигатель.

И тут существо расхохоталось. Я непонимающе повернул к нему залитое слезами лицо.

– Сердце бедняка прекрасно своими снами! – произнесло существо неожиданно ласково. – Не попрекай меня, пожалуйста, когда верну тебя в твой мир. Поверь, в этом нет злого умысла. Мне просто хотелось показать тебе, какой может быть жизнь.

С этими словами существо рвануло рычаг управления от себя – аэроплан перевернулся, и меня подбросило к потолку. Я так сильно ударился головой, что искры посыпались из глаз. Когда же зрение вернулось, оказалось, что моего всемогущего попутчика нигде нет – растворился без следа.

Аэроплан все падал. Я кричал и кричал, пока не сорвал голос. Потом попытался дотянуться до рычага, но не сумел.

– Спасите... погибаю... – прохрипел я в последнем усилии – и вдруг проснулся.

Как же хорошо мне было там, в чудесных краях и временах, среди чудесных людей, которые так за просто называли меня своим! А здесь? Что я здесь забыл? Эх, лучше бы вовсе не просыпался...

РЕЗЮМЕ

Конечно, «Сон» Хоха Тлатова не достигает той философской доктринальности, которую мы видим в «Утопии» Томаса Мора, «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Государствах и империях Луны» Сирано де Бержерака, «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона. Но в масштабах нашей младописьменной литературы это такое же существенное явление.

Интересно, что в народе утопии мы без колебаний узнаем самих себя, осетин: у Тлатова налицо и прямая критика патриархальных традиций (калым, кровная месть), и яркая литературная реминисценция – объявление о театральном спектакле, в названии которого угадывается пьеса Елбасдуко Бритаева «Лучше смерть, чем позор» («Худинаджи бæсты мæлæт», 1903), в котором тоже действует абрек Керим, и другие детали, указывающие на наш исторический быт (в том числе не совсем справедливые упреки, predeterminedные законами жанра).

Но еще важнее заметить, что «Сон» пронизан тем же благородным просветительским пафосом, который характерен знаменитым сочинениям родоначальников жанра. Обратите внимание: непосредственной прелюдией сна служит чувство голода, но во сне наш герой утопил голод лишь раз; в его сновидениях совершенно отсутствуют гастрономические образы. Зато слово «труд» («трудолюбие») употребляется в рассказе двенадцать раз, слово «образование» – семь раз, «любовь» – четыре раза.

Хох Тлатов вовсе не стремится поразить нас плодами буйной фантазии: в конце концов, его мир не настолько футуристичен: в нем все еще в ходу деньги, и нерадивых граждан даже штрафуют, а аэропланы, электричество, театры, магазины, читальни, больницы и выборные представители на момент написания рассказа уже существовали в реальной жизни. Автор только нарисовал идиллическую картину, в которой эти явления выступают обыденностью, общим и естественным завоеванием демократии и просвещения. Пожалуй, самое фантастическое в рассказе Тлатова – это сам народ, белозубый, открытый и добродушный, потребляющий квас вместо араки...

У меня нет оснований не верить в досаду, испытанную рассказчиком в момент пробуждения, однако что до меня, то я, когда мне рассказывают об идеальном обществе, снова хочу в наш грешный мир. Может быть, для того и существует утопия?..